

НОСКИ ПРЕВРАЩАЮТСЯ...

А вот вам к 23 февраля сказ о бойцовской смекалке:

Враги окружили бойца.

— *Пиздец, — смекнул боец.*

Смекалистый был боец.

Поступив в училище и пройдя курс молодого бойца, мы получили от командира роты новые невиданные должности и обязанности. «Ты — баталер». «Есть!» «Ты — комвзвода». «Есть!» «Ты — на одного линейного дистанция». «Есть!» «Ты — грудь четвёртого человека». «Есть!»

Мне же досталась странная призовая должность — писарь. За грамотность выше среднего и навык не вставлять между предложениями междометия «это», «как его», «ну это самое», «в общем», «ну да», «э». Сейчас бы это назвали пресс-секретарь, но тогда таких слов не знали. Должность обязывала всегда быть под рукой командира роты. Я писал ему тексты докладов перед высоким начальством, заполнял ротную документацию, выпускал боевые листки, начинающиеся фразой «Ну вот прошла ещё одна неделя», и — о, Небо! — заполнял Книгу увольняемых. Последний пункт обязанностей возвёл меня в ранг надчеловека, чем я успешно

пользовался, заполняя списки так, чтобы незаметно оставались свободными две последние строки. Это для тех, кто получил «неувал» и был моим корешем. Книга никогда не проверялась.

После церемониала увольнения, когда курсанты, звеня начищенными яйцами, покидали училищный плац, я устраивал аукцион среди невезучих. Жили мы невероятно дружно. Посмеивались над тормозами, но не злобно, издевались над тупыми, но в пределах разумного, глумились друг над другом, устраивали подставы. Всё как у людей. В принципе, даже спустя столько миллионов лет мы встречаемся хоть уже и не друзьями, но достаточно близкими людьми. Поэтому у меня был сложный выбор: кого вписать в увольнение, а кого нет. Одни товарищи награждали меня флотским восьмиэтажным матом, а от других слышал: «Спасибо, в войну пулями отдам».

За все пять лет валаамо-ослиного труда я прослушал невероятное количество историй. У неуволенных курсантов именно в этот вечер скоропостижно умирали дальние или ближние родственники, и скорбящие во всех подробностях разыгрывали сцены покидания души брэнного тела тётъ, дядь, племянников. На перроне железнодорожного вокзала Севастополя мёрзли невстреченные родственники, понаехавшие с Сахалина. Я узнавал о том, что в этом мире существует безграничная неземная любовь, ради которой стучали сердца, пульсировала кровь и над венами заносились ножи на случай «если я не приду». И судьба этой шекспировской страсти располагалась в тех самых последних пустых строках списка.

Иногда одну из строк я оставлял себе: за своё богомерзкое поведение, нарушения всевозможных училищных ритуалов, дисциплины и остальных строгостей, не включённых в присягу, я периодически был морально раздавлен командиром роты, наказан, обезглавлен, расстрелян, обвешан нарядами и угрозами отослать меня на губу.

Так как без моих услуг командир обойтись уже не мог,— пригрел змею! — то моя ссылка на две-три недели для занятий строевой подготовкой была не в его интересах. Это добавляло мне наглости и способствовало переоценке моих возможностей конспирации. В основном наказания меня осуществлялись в праздничные дни, когда мои канцелярские способности были не востребованы. За пять лет учёбы я провёл три Новых года на тумбочке. Мои увольнительные праздники складывались в какие-то барон-мюнхгаузенские даты: 24 февраля, 9 марта и далее по списку. Это было некоторой гарантией того, что я вернусь в училище трезвым.

Приближался Новый год. Надо сказать, что это загадочный для курсантов праздник, когда или они лишались девственности, или лишали её студенток медицинского училища. В училище ходила поговорка «Все люди — братья, остальные — сёстры. Это сестра Кери, три сестры у Чехова и сёстры из медицинского училища имени Жени Дерюгиной». К Новому году готовились весь год, а уж за месяц до него происходило генетическое изменение кода курсанта. Из злостного нарушителя и двоечника он превращался в розовощёкого путти со скромным, в пол, взором. Новый год был не просто сменой дат, а великим праздником дефлорации. И мы, как инки, возводили в головах свои ритуальные капища, делясь друг с другом фантазиями,

выслушивая очень полезные дополнения «а потом вот так её», советуя другим следить за количеством выпитого, частотой фрикций и временем. Ибо время — самое великое зло, в которое ни одно увольнение на свете никогда не укладывается. Это какие-то две противоположные физические единицы, параллельные Евклида. Какой только вид транспорта не использовался курсантами для того, чтобы успеть до 23:00 попасть в родные пределы! Кареты скорой помощи, пожарные машины, милицейские «бобики», такси, частные извозчики. Был случай, когда курсант прибыл в училище на шлюпке, угнанной с территории соседнего санатория-профилактория.

В тот день мне повезло. Блин, это же строка из «Повести о настоящем человеке»: «В тот день ему опять повезло. В пахучем кусте можжевельника, с которого он обрывал губами сизые, матовые ягоды...» Там дальше про ежа было, надо перечитать.

Так вот, повезло, потому что мне удалось попасть в список увольняемых совсем внезапно, что полностью нарушило мои планы на 3 января — стандартную дату моего сдвинутого Нового года.

Я ничего не планировал на 31 декабря, моя девушка ещё только собиралась замешивать тазик оливы, в то время когда вся страна уже кругами ходила вокруг накрытых столов, ежеминутно посматривая на часы.

Я был настолько не готов, что у меня не было даже носков уставного чёрного цвета. Под матрасом хранились только гражданские всяких провокационных расцветок. На случай самоволки через училищный угол. Поскольку я всегда уходил самым последним, заполнив книгу увольняемых, то стрельнуть у кого-нибудь носки

уже не мог. И проверял мою форму одежды, как правило, дежурный офицер по факультету лично. Спрятаться или обвести вокруг пальца опытного офицера не было никакой возможности. Меня в такие минуты можно было фотографировать и публиковать в глянцевого альбоме «Флотский долбоебизм и его идеальный представитель»: всё постирано, отутюжено, отбелено, расправлено, подшито, начищено, бескозырка — два пальца от бровей. А тут какие-то носки.

Я поплёлся к своей укладке с тайной надеждой, что где-нибудь между фланелью и кальсонами, которые никто из нас под страхом смерти никогда не надевал даже ради смеха, заваялась пара. Пусто. А носки проверяют всегда, это священный ритуал, это такой необходимый аксессуар, который не даёт курсанту почувствовать себя нормальным человеком: он спит в носках, он слышит выстрелы с той стороны.

И тут на глаза мне попадают перчатки. В голове пронеслись кадры фильма «Новые амазонки», в оригинале «Секс-миссия», где бабушка ела джем из баночки с помощью пальца, высунутого из вязаной перчатки с отрезанными пальцами. Спасибо, бабуля, за гловелетты! Пальцы от перчаток отлетели за секунду, нога удобно расположилась в уютной глубине изуродованной ради чёрного цвета перчатке. Из туфли высовывался теперь уставного колера край носка-перчатки. Пошевелив пальцами внутри уставной обуви, я смело шагнул на осмотр.

— Левую ногу на носок ставь!

Я выставил ногу, задрал брючину, как какая-нибудь подобострастная фрау перед книксеном, так, чтобы был виден край эрзац-носка.

— Уволен!

Тогда не было мобильных, позвонить девушке я не мог, а ехать на другой конец города смысла не было: она уехала с родителями в глубины каких-то родственных уз.

Бреду к КПП, перебирая варианты. И тут меня догоняет друг детства с другого факультета:

— Серёга, поехали со мной! Там шесть сестёр из меда, а нас трое. Остальных троих не уволили, нас там порвут!

Поехали. На звонок дверь гостеприимно распахнулась, и лестничная клетка наполнилась запахом кулинарных изысков, перебором парфюмерии, а в уши полилась жизнерадостная попса из японского двухкассетника.

Если бы в тот момент проводился конкурс «Снегурочка года», то жури сошло бы с ума: в Севастополе по определению нет некрасивых девушек. Самая страшная моя одноклассница, над которой мы издевались, будучи злыми детьми, в Москве получила бы Гран-при «Мисс СССР».

Мы прошли в коридор под радостное щебетание новгородных пряничных фей. Улыбаясь, знакомясь, раздеваясь, я совсем забыл про своё рукотворное изобретение. Когда я снял обувь, в помещении наступила тишина. Даже японский магнитофон затих и молча принялся жевать плёнку.

Все посмотрели на пол, потом на Серёжу. И Серёжа посмотрел тоже на пол.

На коридорном ковролине сжимались в кулак пальцы ног, торчащие из обрезанных вязаных перчаток. Пауза висела. Лёха, мой кореш, стоял раскрыв рот. Дамы пытались разгадать назначение этой части одежды.

— Извините, я так спешил к вам, девочки, что раздеваться начал ещё в троллейбусе,— промямлил я.

Все выдохнули, рассмеялись и полетели в комнату к накрытому столу, ёлке, японскому двухкассетнику и мебели для сексуальных утех.

Защитники Родины, будьте бдительны! Никогда не отчаивайтесь в неразрешимой ситуации!

Всех с праздником! Девушки, дарите своим мужчинам носки! Не, я серьёзно.

